

Павел Терехов

*Хроники Иллюмира
последний из рода:
Наследник Авалона*

Павел Терехов

**Хроники Иллюмира последний
из рода: Наследник Авалона**

«Автор»

2026

Терехов П. А.

Хроники Иллюмира последний из рода: Наследник Авалона /
П. А. Терехов — «Автор», 2026

Александр Гордеев вел скучную жизнь инженера на складе авиационного топлива, пока однажды утром к нему в машину не постучался лысый торговец в фиолетовой мантии. С этого момента бетонные коробки Архангельска сменились парящими островами Авалона, а головная боль от недосыпа — пульсирующей болью древнего Кристалла в груди. Тысячу лет назад мир раскололся надвое, чтобы спасти человечество от безумного мага Азраила. Эльфы ушли в небо, тьма была запечатана под землей, а люди забыли магию, заменив её технологиями. Но баланс рушится. Узловые точки Земли — начинают трещать по швам. Если они падут, три мира столкнутся, уничтожив друг друга. Теперь только последний потомок исчезнувшего рода Заклинателей может удержать реальность от распада. Но чтобы стать Хранителем, инженеру придется вспомнить то, чего он никогда не знал - как дышать огнем, говорить с мертвыми и закрыть врата Ада. Первый том эпической фэнтези-саги о столкновении магии и технологий.

© Терехов П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Иллюзия нормальности	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Хроники Иллюмира последний из рода: Наследник Авалона

Пролог

В древние времена, когда мир был един и по земле ходили боги, магия не была искусством — она была дыханием. Эльфы лечили раны деревьев своим пением, гномы слышали пульс самоцветов в темноте недр, а драконы пряли ветры в узлы силы. Иллюмир дышал полной грудью.

Но там, где есть свет, всегда растет тень. Азраил, величайший из чародеев, смотрел на это изобилие и видел лишь хаос. Для него магия была не даром, а инструментом власти. Он жаждал абсолютного порядка, который мог дать только тотальный контроль. Чтобы перековать мир по своей воле, ему требовалось сломать его чертежи.

Он ударил в самое сердце мира, захватив один из трех Кристаллов Магии. Началась война, опалившая сами звезды. Небеса плавились от ярости заклинаний, моря кипели, а земля трещала под поступью титанов. Но Азраилу было мало победы. Осознавая, что объединенная мощь людей, эльфов и гномов способна испепелить его, он совершил невозможное: вонзил украденную силу в самую ткань реальности.

Мир спасся ценой ампутации. Чтобы очистить Изначальный мир от заразы Тенебриса, Совету Древних пришлось провести Ритуал Разделения. Это был крик боли вселенной. Эльфийские леса и гномьи чертоги рванули вверх, отрываясь от материка, чтобы стать Верхним миром — Авалоном. Подземные пустоты рухнули вниз, проваливаясь в мантию, унося с собой тьму Нижнего мира. Земля же осталась посередине — Средний мир, лишенный магии, но сохранивший жизнь.

Вместе с разделением миров ушла и память. Люди забыли о чудесах, списав легенды на сказки, и направили свой страх перед неизвестным на созидание стали и пороха. Они построили свои города прямо поверх незаживших шрамов планеты — Узловых точек, где плоть Геи все еще кровоточит энергией. АЭС Чернобыля, Фукусимы, Гравелина и Брюса стоят как бетонные саркофаги над ранами бытия, сами того не ведая, что держат небо своими фундаментами.

Авалон застыл в янтаре вечности, храня боль утраты. Тенебрис гнил в кислоте ненависти, вынашивая планы мести.

Баланс держался тысячу лет. Тонкая нить натяжения между тремя сферами. Но Азраил терпелив. Его воля отравляет Нижний мир, стремясь превратить три отдельных измерения в единый океан первородного хаоса. И первым признаком лихорадки стал сон тридцатилетнего инженера из Архангельска — сон о полете на спине дракона над землей, которой нет ни на одной карте.

Нити старого узора начали истлевать. Реальность затрещала по швам. И сквозь эту трещину, ведомый запахом крови, уже падал черный ящер, неся на своих крыльях судьбу целого мироздания.

Глава 1. Иллюзия нормальности

— Доброе утро, Женечка! — мой голос прозвучал слишком бодро для шести утра.

Евгения даже не обернулась. Сидя за круглым кухонным столом под тусклой лампой, она методично вела кисточкой по ресницам, глядя в маленькое зеркальце. Только быстрый кивок и едва заметное движение плечом обозначили ее присутствие. В этом молчаливом «здравствуй» читалось все: усталость от бесконечной зимы, раздражение от того, что я осмелился нарушить хрупкую тишину утра и привычка.

— Я тоже рад тебя видеть, — пробормотал я себе под нос, направляясь в ванную.

Зеркало отразило то, что я видел каждое утро последние десять лет: круглое лицо, тяжелый взгляд карих глаз из-под темных бровей, густые волосы цвета воронова крыла, которые уже начинали предательски редеть на макушке. Девяносто пять килограммов веса при росте метр восемьдесят. Не атлет, но надежный фундамент. Инженерный тип сложения. Человек-опора.

Когда горячий душ смыл остатки липкого сна, кухня встретила меня запахом остывшей овсянки. Я сел напротив жены, загребая ложкой сероватую массу.

— Как настроение? Какие планы на сегодня? — вопрос был ритуальным, как гимн перед матчем. Ответ они оба знали наизусть.

Евгения сделала большой глоток чая, поморщившись — вода в нашем северном городе всегда отдавала хлоркой и безнадеей.

— Все как обычно. На работу. В спортзал. Нику в бассейн, Антона на футбол. Полину забрать из садика. И домой.

Она вздохнула так тяжело, словно каждый пункт этого списка весил тонну. Загибая пальцы, перечисляла свою ежедневную каторгу, и в этом простом движении было больше отчаяния, чем во всех трагедиях Шекспира.

Я ковырял кашу, чувствуя себя совершенно лишним в этой утренней симфонии выживания.

— Понял тебя, — выдавил я, когда пауза стала невыносимой. — Если что, звони.

Евгения резко дернула головой, будто ей заложило уши. Из детской донеслось пронзительное, вибрирующее на низких частотах: «Маааааааа!!!», переходящее в обиженный рев.

— Опять не дадут спокойно собраться, — процедила жена сквозь стиснутые зубы.

Она встала, опираясь руками о стол, и крикнула в коридор голосом, полным праведного гнева.

— Да иду я, иду! Чего тебе не спится, рань такая!

Дверь захлопнулась, отрезав кухню от звуков семейной войны.

«Опять этот сон». Мысль ударила под дых, выбивая аппетит. В который раз. Четкий, яркий, пахнувший озоном и гарью. Что это значит? Мозг инженера, уставшего от чертежей, ищет выход в фантазии? Сон наваливался не сразу, а подкрадывался в тот короткий миг между явью и забытьем, когда разум уже отключил логику, но еще не утратил контроля над образами.

Это всегда начиналось с падения. Не пугающего, животворного ужаса свободного полета в бездну, а ощущения невероятной легкости, словно кости внезапно перестали весить что-либо, обратившись в полую птичью кость.

Под нами простирался мир. Я понял, что это именно тот мир, еще до того, как осознал себя сидящим на широкой чешуйчатой шее. Это узнавание пахло раскаленным камнем и диким медом. Здесь не было привычной земной синевы, разбавленной белесыми облаками.

Я сидел верхом на драконе без седла, плотно обхватив мощную шею коленями. Кожа зверя была горячей, почти обжигающей даже через плотную ткань джинсов, и едва заметно вибрировала, как работающий трансформатор. Каждая роговая пластина чешуи размером с ладонь переливалась антрацитовым блеском, ловя багровый свет. Я чувствовал не просто дви-

жение мышц под собой, а саму суть существа. Дракон дышал не воздухом - при каждом выдохе из ноздрей вырывались струйки чистого золотистого пламени, которое не жгло, а согревало меня изнутри, прогоняя вечный холод северных зим.

— Мы снова здесь, — прозвучал голос прямо в моей голове. Он не имел тембра, эхо или громкости. Это была чистая мысль, окрашенная древней, снисходительной насмешкой. Голос принадлежал существу, видевшему рождение материков.

Дракон заложил плавный вираж, уходя вниз, и скорость обманула чувства. Мне казалось, что мы плывем по воздуху неспешно, величественно, но горы внизу — исполинские пики, пронзающие облака — пронеслись мимо со свистом.

Мир казался нарисованным сумасшедшим художником, смешавшим палитру. Леса были неправдоподобно зелеными, такого оттенка нет на Земле — цвет абсолютной, первобытной жизни. Реки не отражали небо, они сами светились изнутри расплавленным серебром. А потом ландшафт резко сменился: начались Пепельные долины. Черные, выжженные пустоши, покрытые сетью трещин, из которых сочился лиловый газ. Граница между светом и тьмой была настолько резкой, будто кто-то провел по ткани реальности толстым угольным карандашом.

Но самым странным было ощущение масштаба. Пространство здесь было... неправильным. Сжатым. «Смотри», — пророкотал дракон, делая бочку. Я увидел то, от чего у обычного человека остановилось бы сердце. Весь континент действительно можно было обогнуть за час. Вот они пролетают над шпилями какого-то города, чьи башни вырастают прямо из скал, оставляя позади всего несколько взмахов крыльев, и вот уже море пенится белыми барашками, а еще через мгновение под ними раскрывается бездна, откуда навстречу выпрыгивают левиафаны.

Этот мир был живым организмом. Я чувствовал боль гномьих шахт, где руда стонала от напряжения тектонических плит, наложенных друг на друга. Слышал шелест листьев леса, который оплакивал Землю так же горько, как Евгения плакала вчера ночью над неоплаченными счетами.

Восторг пьянил сильнее вина. Абсолютная свобода трехмерного пространства, отсутствие пробок, ипотек и запаха хлорированной воды из крана. Здесь я был цельным. Моя спина не болела, плечи не давило грузом ответственности. Я был продолжением ветра, наконечником стрелы, летящей домой.

В какой-то момент дракон начал снижаться. Воздух стал густым, тяжелым, пахнущим близким дождем и грозой. Мы вошли в плотное облако, влажное и холодное. Видимость упала до нуля. Сердце — человеческое, земное сердце — пропустило удар от страха столкновения с горным пиком.

И тут реальность треснула.

Багровое небо пошло рябью, как вода от брошенного камня. Чешуя дракона под пальцами начала крошиться, превращаясь в сухую штукатурку. Золотистое пламя из ноздрей стало сизым дымом. Свист ветра в ушах обернулся воем сирены скорой помощи где-то далеко внизу, на улицах Архангельска.

Картинка перед глазами рассыпалась на пиксели. Мир свернулся внутрь себя, втягиваясь в ослепительно белую точку боли в груди. Последнее, что я запомнил — это чувство невыразимой, разрывающей душу тоски потери, падение...

...и жесткий удар пятками о линолеум собственной кухни.

Щелкнул замок ванной. Евгения вернулась, села, поправляя растрепанную блузку. Ее глаза снова стали пустыми. Самое время поделиться сокровенным.

— Прикинь, Жень, опять тот же сон... — начал я осторожно, пытаясь поймать ее взгляд. — Лечу на драконе. Знаешь, там внизу всё такое странное. Поля, горы, моря... Мелькает быстро, но сам полет медленный. Будто мир маленький, игрушечный. К чему бы это, как думаешь? Может, твои карты Таро скажут? Нужно срочно купить биткойн или сменить резину?

Я улыбнулся, ожидая ответной усмешки. Но Евгения взорвалась.

— Какие карты, Саша?! Какой бред?! — она чуть не подавилась чаем. — Я в эту эзотерическую муть давно не верю! У нас дети растут, а ты мне про драконов рассказываешь!

— Да ладно, шучу я, — поднял руки я, сдаваясь. Попытка наладить контакт провалилась, оставив после себя лишь запах жженого пластика.

— Бред это все, твои сны, — уже спокойнее, но с непреклонной сталью в голосе продолжила она. — Драконы, страны... Лучше бы тебе приснилось, где денег побольше заработать. В этом месяце еще не оплачен детский сад, кружки для этих спиногрызов, футбольная форма для Антона, ипотека висит, кредит за твою развалюху капает, мой абонемент в зал заканчивается, холодильник пустой!

Она начала загибать пальцы, и с каждым новым пунктом пространство кухни сужалось. Это была не истерика. Это была инвентаризация нашей жизни, и баланс сходил в глубокий минус.

— Все, хватит, я понял, — я замахал руками, защищаясь от невидимых ударов бытовых проблем. — Больше никаких снов про драконов. Обещаю. Теперь буду смотреть только сны про деньги. Желательно с подробной инструкцией, где их украсть.

— Очень смешно, — губы Евгения скривились в горькой усмешке. Она поднялась, забрав со стола пустую чашку. — Пойду собирать принцесс. А то они нам сейчас устроят дефолт семейного бюджета своим нытьем.

Шум сборов напоминал эвакуацию при бомбежке. Три голоса спорили из-за зубной щетки, кто-то уронил горшок с фикусом, Антон требовал найти синюю рубашку, которая «сама потерялась», а Полина отказывалась надевать колготки. Мы метались между комнатами, раздавая подзатыльники, целуя ушибленные коленки и завязывая шнурки.

Спустя сорок минут маленькая армия вывалилась в ледяной подъезд. Старый лифт долго думал, прежде чем спуститься. На парковке нас ждал наш семейный автопарк — моя бежевая «Рено Лагуна» с прожженным сигаретой сиденьем и Женькина ярко-красная «Пежо 306», похожая на нахохлившегося воробья.

Рассадив детей — старшего вперед, среднюю в кресло сзади, младшую пристегнув последней — мы встретились взглядами поверх крыши машины. В ее глазах читалась просьба: «Только ничего не испорти». В моих глазах, наверное, — извинение за то, что я всего лишь человек, а не супергерой. Мы синхронно махнули друг другу и разъехались. Красная точка «Пежо» растворилась в утреннем тумане. Не задерживаясь на парковке, я отправился на работу — склад авиационного топлива, где трудился уже 15 лет.

Серые бетонные заборы, покрытые грязными разводами снега, тянулись бесконечно. Припарковавшись, я вышел в морозный воздух. Навстречу тут же бросились два алабая — местные сторожа. Я потрепал их по массивным головам. Вот кто действительно рад меня видеть. Собаки не спрашивают про ипотеку.

Рабочий день ведущего инженера крупной топливной компании прошел именно так, как должен проходить понедельник человека, разочарованного в жизни. Тишина. Мерный гул вентиляции. Монитор компьютера, открытый на вкладке с недочитанной фантастической эпопеей. Единственная вспышка адреналина случилась, когда молодой техник чуть не пролил кофе на серверную стойку. К обеду я поймал себя на мысли, которую боялся формулировать годами: *я не на своем месте*. Словно актер, случайно зашедший не в ту гримерку и вынужденный тридцать лет играть роль статиста в чужой пьесе. Ведущий инженер за зарплату, которой хватает ровно на то, чтобы поддерживать иллюзию благополучия.

Вечер прошел по накатанной колее. Ужин, состоящий из разогретых полуфабрикатов. Диван. Телевизор. Очередной мрачный сериал о маньяке, расчленяющем людей в декорациях дождливого Лондона. Женя листала ленту соцсетей, механически ставя лайки фотографиям чужого счастья. Иногда наши плечи соприкасались. Это называлось «качественным временем вместе».

Перед сном, стоя в дверях детских комнат, я произнес стандартную формулу любви: — Спокойной всем ночи, люблю вас! И из трех разных углов прилетело звонкое, спасающее меня от окончательного падения в пропасть: — Я тебя тоже!

Закрыв дверь в спальню и выключив телевизор, погрузив комнату в тяжелую, глухую темноту северной ночи, я лег на спину. Рядом ровно дышала жена. «Вот так всегда», — подумал я, глядя в потолок, по которому скользили блики от фар проезжающих под окном машин. Сон не шел. Внутри, под слоем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.